

Радич Василий Андреевич

Запорожская старина

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Андреевич Р.**
Запорожская старина / Радич Василий Андреевич – М.: Книга по Требованию,
2024. – 180 с.

ISBN 978-5-519-80184-3

Содержание: Дедушка; Ссылка; Святой отец; Погром Крыма; По синим волнам; Палий и Палииха; У гетмана

ISBN 978-5-519-80184-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ДѢДУШКА.

I.

Хорошо рассказывалъ дѣдушка Григорій Мироновичъ. Мотря уже и печку натопить, и постели приготовить, и «кулишъ» на ужинъ сварить; а намъ и горюшка мало, что часы пробили десять, что скоро пора на боковую. Мы заберемся, бывало, на турецкій широкій диванъ, непременно съ ногами, чтобъ не было страшно,—облѣпимъ дѣда, какъ мухи, и боимся словечко проронить.

Но вы, быть можетъ, и не знаете моего дѣда Григорія Мироновича?.. Тогда вы, значить, не знаете и самой Мироновки, и нашей Мотри, словомъ, ничего не знаете... Ну, такъ и быть, я вамъ все это расскажу; только вы не перебивайте...

Мироновка принадлежала нашему дѣду, а названіе свое получила по имени своего отца, нашего прадѣдушки,—царство ему небесное! По

моему, лучше Мироновки нѣтъ на свѣтѣ мѣста. Я, положимъ, не знаю ни вашего Петербурга, ни Москвы, но по мнѣ вичего нѣтъ краше Мироновки. Гдѣ, напримѣръ, есть такая рѣчка, какъ наша? Закинешь удочку—и готово, вытаскивай! Ужъ, навѣрно, красноперка болтается, а, можетъ быть, и окунь, и то и цѣлый карпъ... А укажите мнѣ такую гору! Зимой, бывало, какъ только запорошить землю снѣжкомъ, мы его укатаемъ, поставимъ саночки да внизъ, подъ горку... Ухъ, хорошо!.. стрѣлой летишь!.. И сада такого, навѣрно, нигдѣ нѣтъ, какъ у дѣда... Грушъ сколько, яблокъ, сливъ! А ужъ про вишни, крыжовникъ да смородину и говорить нечего... Хорошая деревня, на рѣдкость! По этому-то, вѣрно, дѣдъ и не любитъ выѣзжать изъ Мироновки.

Григорію Мироновичу давно уже восьмой десятокъ пошелъ, а посмотрѣли бы вы, какимъ молодцомъ онъ выглядѣлъ! Высокій, несторбленный, такъ чуть-чуть сутуловатый, взглядъ ясный, усы длинные, казацкіе, на грудь падаютъ. Время щедро ихъ побѣлило, будто сметаной вымазало. Въ будни усы эти были подколоты шпильками и распускались только въ праздникъ, или когда Григорій Мироновичъ былъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа. Дѣдъ всегда носилъ чепарку изъ синяго сукна и такіе же шаровары въ сапоги. Какъ надѣнетъ онъ смушковую шапку, отправляясь къ обѣднѣ, да расправитъ усы, такъ любо поглядѣть на него. Казакъ, настоящій сѣчевикъ!..

Для меня и для братьевъ дѣдъ замѣнилъ родителей, которыхъ мы мало помнили, такъ какъ они умерли, когда мы были еще очень маленькими. На старости Григорій Мироновичъ пристрастился къ пасѣкѣ и считался однимъ изъ лучшихъ пчеловодовъ въ губерніи. Къ пчеламъ онъ относился съ нѣжной отеческой любовью; онъ зналъ его хорошо, и не было случая, чтобы пчела укусила его.

Разъ ужъ зашла рѣчь о Мироновкѣ, такъ какъ же промолчать о Мотрѣ? Эта женщина, несмотря на свой суровый видъ, была добра безконечно... Хотя она называла себя просто работницей, но, въ сущности, весь домъ былъ у нея на рукахъ, и нужно только было удивляться, какъ это она всюду поспѣвала.

— У меня не десять рукъ, — ворчала она, если ее отрывали отъ работы, а между тѣмъ дѣлала за десятерыхъ.

Мотря была и горничной, и нянькой, и птичницей, порой она являлась въ роли страпухи, успѣвала еще лѣчить деревенскихъ бабъ и была сильна въ знаніи всевозможныхъ примѣтъ. А погоду она предсказывала лучше всякаго барометра. Если бъ вы попробовали, какіе Мотря дѣлаетъ маковники, коржики, пастилу на меду, то, навѣрное, не захотѣли бы послѣ этого городскихъ пирожныхъ. А скажите мнѣ, пожалуйста, кто кромѣ нея изготovitъ такъ колбасу? Навѣрно, никто. Въ долгіе зимніе вечера она успѣвала еще ткать и снабжала, кромѣ того, чулками, какъ самого дѣда, такъ и насъ, малышей. Выше и лучше Григорія Мироновича для Мотри не было челсѣка: что онъ скажетъ, бывало, то и свято. Но былъ пунктъ, на которомъ и дѣдушкинъ авторитетъ исчезалъ. Стоило ему прикрикнуть на насъ, если мы очень ужъ распалимся, какъ Мотря рѣшительно брала нашу сторону и летомъ налетала на дѣда. Она доказывала, что мы правы, что обижать сиротъ грѣхъ, что за насъ некому заступиться; словомъ, дѣдъ оказывался кругомъ виноватымъ, и мы были невинными жертвами. Мотря уводила жертвъ въ кладовую или въ свою каморку и утѣшала насъ при помощи сладкихъ маковниковъ, сотового меду и сушеныхъ грушъ. Мы быстро утѣшались, а она обыкновенно еще съ полчаса гремѣла посудой, ключами, хлопала дверьми, словомъ, самыми разнообразными способами выражала свои протесты. Если дѣдъ хотѣлъ умиловить ее, то долженъ былъ позвать насъ въ кабинетъ, открыть конторку съ массой отдѣльныхъ ящиковъ и угостить мятными пряниками и леденцами. Этимъ обыкновенно все и заканчивалось.

Впрочемъ, бывали случаи, когда и защита Мотри оказывалась напрасной. Это тогда бывало, когда насъ уличали въ разореніи птичьихъ гнѣздъ. Тутъ ужъ Григорій Мироновичъ давалъ полную волю своему гнѣву и самолично разставлялъ насъ по угламъ, приговаривая:

— Въ писаніи сказано: «Блаженъ, иже и скоты милуетъ», а вы неповинныхъ птичекъ мучите, лишаете пріюта, отваживаете отъ дома... У, басурманы!

Басурманы начинали ревѣть и давали обѣщаніе впредь не грѣшить. Мотря въ эти минуты усиленно хлопала дверьми и ворчала себѣ подъ носъ, что люди, обижающіе сиротъ, не минуютъ «пекла».

II.

Въ долгіе зимніе вечера дѣдушка частенько намъ рассказывалъ про дѣла давно минувшихъ дней. На дворѣ морозъ трещить и расписываетъ окна такими затѣйливыми узорами, какихъ ни одинъ живописецъ не выдумаетъ. Мотря сидитъ на полу и топить печь, равномерно подкладывая пучки соломы, пока не перегоритъ весь куль. Лампа еще не зажжена; но отблескъ желтаго пламени весело перебѣгаетъ по чисто выбѣленнымъ стѣнамъ и освѣщаетъ сѣдую голову дѣда и всю нашу компанію, пріютившуюся на диванѣ. Порой полоса свѣта падаетъ на окно, и бѣлые морозные узоры вспыхиваютъ разноцвѣтными огоньками, блестятъ и переливаются, какъ драгоценные камни. Слегка попахиваетъ дымомъ...

— Дѣдушка, расскажите что-нибудь,—пристаемъ мы къ Григорію Мироновичу.

— Добренько, только дайте трубочку зажечь.

Мы бросаемся за трубкой, тащимъ огниво, и дѣдъ, затаившись, разокъ-другой жуковскимъ табакомъ, спрашиваетъ:

— Что же вамъ рассказать, голубятки?..

— Про запорожцевъ,—отвѣчаемъ мы хоромъ.

— Пусть будетъ по-вашему...

Воцаряется тишина. Если вѣтеръ въ эту минуту метнетъ сухимъ снѣгомъ въ окошко, мы вздрагиваемъ и стараемся размѣститься такъ на диванѣ, чтобы ноги никоимъ образомъ не касались пола.

— Я самъ не знавалъ запорожцевъ,—это дѣло давнее и не за мою память было, но отецъ мой,—пусть ему земля будетъ перомъ!—прожилъ безъ малаго сотню лѣтъ и знавалъ такихъ людей, которые съ молодцами-запорожцами дѣло имѣли и медъ-горилочку пили... Запорожцы жили въ низовьяхъ Днѣпра, за порогами, оттуда и прозванье ихъ пошло... Край этотъ прежде называли *Дикимъ полемъ*, и, дѣйствительно, это была *дикая* земля. Куда не кинешь взглядъ, всюду разстилаются необъятныя степи; кругомъ на сотни верстъ нѣтъ человеческого жилья. Степи — то же море, и только запорожскій казакъ-удалецъ да юркій татаринъ чувствовали въ ней себя, какъ дома... До-

рогу держали по солнцу, по звѣздамъ, по одинокимъ могиламъ, разбросаннымъ по пути. Гнѣздо степныхъ орловъ-запорожцевъ устроено

Запорожець.

было на одномъ изъ днѣпровскихъ острововъ и называлось *Стычю*. Здѣсь стояла ихъ церковь, здѣсь хранилась казна и оружіе, здѣсь они

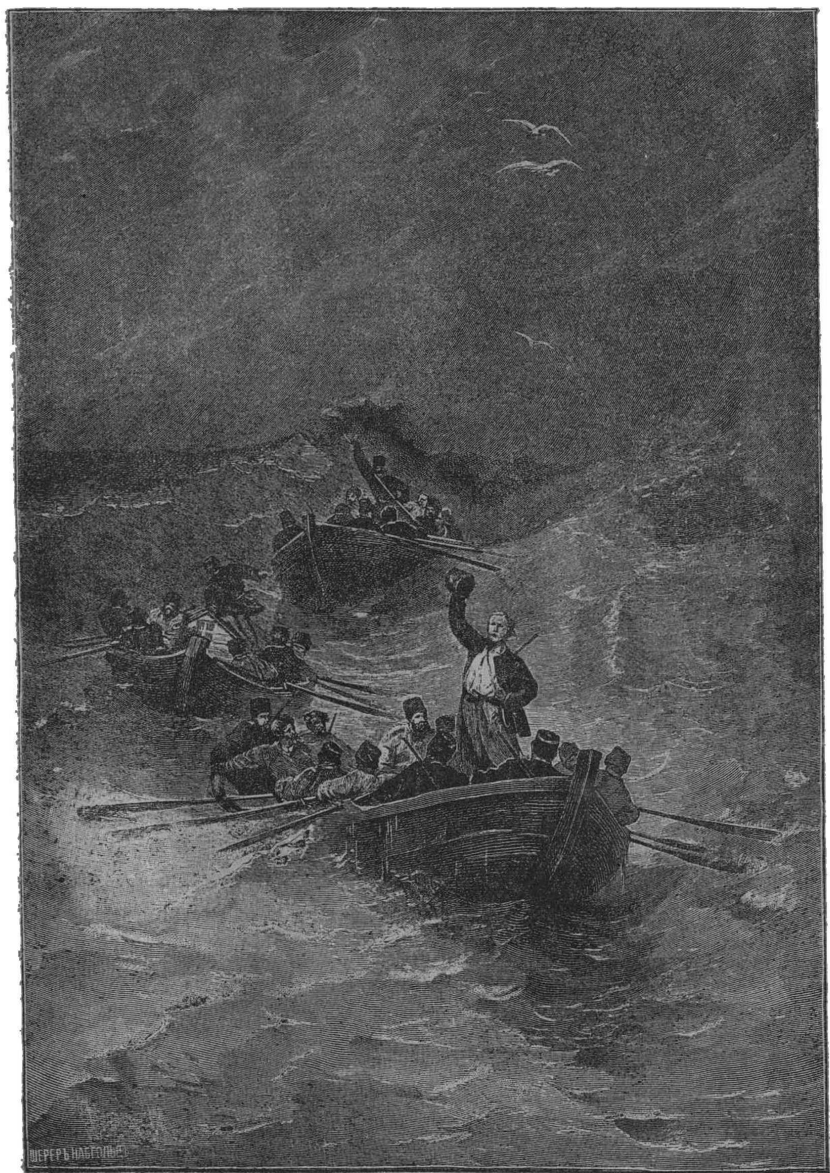
жили въ своихъ куреняхъ, отсюда они выступали въ походъ и, какъ грозная туча, налетали на врага.

Промышляла Сѣчь рыбной ловлей, охотой, а больше всего войной... То были времена тяжелыя, всюду слышался шумъ оружія, грохотъ выстрѣловъ, и если изрѣдка и наступало затишье, то ненадолго. На землѣ царствовала не правда, а сила. Татары жгли и грабили беззащитныя села, уводили тысячи людей въ неволю, разоряли города и предавали пламени хлѣбоносныя нивы. Панство угнетало крестьянъ и обращалось съ ними хуже, чѣмъ съ безсловесными животными. Бѣдный человѣкъ не былъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ: если его не обидѣлъ сегодня панъ, то завтра могъ налетѣть татарскій наѣздъ... Что для него было лучше, что хуже—трудно рѣшить. Забитые люди покорно сносили свою долю и не смѣли роптать. Но среди нихъ были горячія головы. Имъ казалось, что правда есть на землѣ, только сильные не даютъ ей ходу. Вотъ они и порѣшили защищать правду. И для этого они оставили насиженныя хаты, оставили родныя мѣста и близкихъ людей и ушли въ зеленую степь, туда, гдѣ воля, побратавшись съ вѣтромъ, гуляетъ на просторѣ. Всякаго, гонимаго судьбой, обездоленнаго бѣглеца Запорожская Сѣчь принимала, какъ сына. Вотъ почему казаки называли ее своей матерью. Пришельца не спрашивали, кто онъ, откуда, что его заставило бѣжать за пороги. Называйся, какъ хочешь, какъ знаешь, но будь только вѣры православной и честно служи товариществу... Много воды утекло въ синее море, многое перемѣнилось въ свѣтѣ... И свѣтъ сталъ не тотъ, и люди не тѣ, что прежде, многое умерло, схоронено и позабыто... Но слава казацкая живетъ и понынѣ! Кто придетъ на берегъ стараго Днѣпра, кто услышитъ ревъ и шумъ грозныхъ пороговъ, тотъ не можетъ не вспомнить молодцовъ-запорожцевъ и ихъ лихихъ атамановъ...

Дѣдъ опустил свою сѣдую голову и умолкъ. Трубка его давно погасла.

— Дѣдушка, а дальше что?—раздались нетерпѣливые голоса.

— Не дергайте меня, какъ коня,—добродушно проворчалъ старикъ.—Знаю, что у васъ уши на макушкѣ... А мнѣ нужно все припомнить, смекнуть, какъ и что, да тогда уже вамъ готовенькое выкладывать.—И дѣдъ, раскуривши трубку, снова продолжалъ свой рассказъ.

Казаки, возвращающіеся съ морского набѣга.

III.

— «Рай Божій на землѣ»,—такъ запорожцы говорили о своемъ краѣ. И точно, это былъ рай... Такого приволья теперь нигдѣ не отыщешь, рассказывали старики наши *). Теперь, если сказать, какъ оно когда-то было, такъ и не повѣрять... Тогда всякіе цвѣты цвѣли, тогда великія травы росли. Тирса была такая высокая, какъ моя палка; какъ глянешь, такъ точно рожь стоитъ; а камышъ росъ, какъ лѣсъ; изда-лека такъ и бѣлѣетъ, такъ и лоснится на солнцѣ... Войдешь въ траву, только небо да земля и видны,—въ этакихъ травахъ дѣти терялись. бывало. Вотъ она поднимется вверхъ, вырастетъ, да снова и падаетъ на землю, да такъ и лежитъ, какъ волна морская, а поверхъ ея уже и другая растетъ; какъ запалишь ее огнемъ, такъ она недѣли три, а то и четыре горитъ. Пойдешь косить,—косою травы не отвернешь; по-гонишь пасть лошадей,—за травой и не увидишь ихъ: загонишь во-ловъ въ траву,—только рога видны... Выпадетъ ли снѣгъ, настанетъ ли зима, нужды нѣтъ: хотъ какой будетъ снѣгъ, а травы надолго не закроетъ. А что ужъ межъ той травы да разныхъ ягодъ, то и гово-рить нечего... А пчелы, а меду! сколько хочешь, столько и бери... Сады, когда цвѣтутъ, какъ будто сукномъ покрываются. Грушъ, какъ понападетъ съ вѣтокъ, такъ хотъ граблями собирай. Лежатъ на солнцѣ, пока не испекутся. А почему это такъ было? Земля свѣжѣе была: никто ея не изнурялъ такъ, какъ теперь, снѣга лежали большіе и воду пускали великую, оттого и дерево росло хорошо... А звѣрей и птицъ!.. Волки, лисицы, барсуки, дикія свиньи... Журавлей—видимо невидимо! Какъ под-нимется птица съ земли, — словно застелеть, а какъ сядетъ на деревья, — вѣтокъ не видно... Теперь нѣтъ и той рыбы, что была когда-то. Такая рыба, что теперь ловятъ, и за рыбу не считалась. Тогда все чичуги, пистрюги да осетры за все отвѣчали... Да, все тогда не такъ было! Тогда и зимы у насъ были теплѣе, нежели теперь... Куда все это по-дѣвалось? Истинно рай Божій!.. Казалось бы, живи да Господа благо-дари, а на дѣлѣ-то оно иначе выходило. Кто посильнѣй, тотъ думаетъ,

*) Д. И. Эварницкій. «Исторія запорожскихъ казаковъ».

что ему мало, тотъ еще хочетъ отнять у слабѣйшаго. Увидѣла Неправда, что люди недовольны такой благодатью и протягиваютъ руки къ сосѣдскому добру.—вотъ она сейчасъ и пожаловала и поселилась среди людей, и пошли тогда угнетенія, ссоры да войны... А война та же волна; разбушуется—не скоро уляжется. И лилась кровь, а за нею бѣжали слезъ цѣлыя рѣченьки. Неправда только радовалась да больше подзадаривала людей.

IV.

Потомъ дѣдъ началъ рассказывать про запорожскаго атамана, Ивана Дмитріевича Сирка.

Много было славныхъ атамановъ въ Сѣчи, а равнаго Сирку не было. Татары «шайтаномъ» его прозвали, и, правда, для враговъ онъ былъ хуже чорта. Но посмотрѣли бы вы его въ мирные дни, когда онъ повѣситъ свою тяжелую саблюку на гвоздь, заберется въ свой хуторокъ, расположенный въ десяти верстахъ отъ Сѣчи, и сидитъ отъ зари до зари на пасѣхѣ. Глядя на него, вы бы и не подозрѣвали, что это кошевой атаманъ славнаго войска запорожскаго. Вы бы подумали, что предъ вами простой дѣдъ-пасѣчникъ, который только и знаетъ за пчелами ухаживать да въ садикѣ грушамъ да яблонямъ прищепы дѣлать. Холщевая простая сорочка, такіе же штаны, черевики (бапмаки) на босу ногу,—вотъ и весь домашній нарядъ атамана. Чубъ его годы да походы сильно посеребрили, не пожалѣли они и черныхъ усовъ казацихъ; вплели и туда серебряныя ниточки.

— Будетъ тебѣ уже съ пчелами своими возиться,—борщъ простынетъ!—кричить, бывало, ему жена.

— Сейчасъ, сейчасъ!—донесется изъ-за плетня его голосъ; но борщъ стынетъ, хозяйка сердится, а мужа нѣтъ, какъ нѣтъ.

Нескоро выглядываетъ изъ-за кустовъ бузины его голова. Придетъ, наконецъ, къ обѣду, жена и давай ему выговаривать; а онъ только добродушно улыбается въ усъ да борщъ похваливаетъ: знаетъ чѣмъ хозяйку задобрить. Послѣ обѣда атаманъ снова шелъ въ садъ отдохнуть часокъ на свѣжей травкѣ.

Хата у Сирка была самая простая; но если бъ вы заглянули на чи-

стую половину, то увидѣли бы такіе ковры, какихъ не было, можетъ, и у важныхъ магнатовъ; увидѣли бы вы и кубки серебряныя да золотые, и сабли въ драгоценныхъ ножнахъ, и ружья съ золотой насѣчкой, и усѣянные самоцвѣтными камнями кинжалы. Оружіе атаманъ любилъ и зналъ ему цѣну, но деньги вѣчно раздавалъ и запасовъ не дѣлалъ.

Однажды, когда Сирко находился на хуторѣ, къ нему прискакалъ, сломя голову, казакъ изъ Сѣчи. Дѣло было на зарѣ. Атаманъ только что вылѣзъ изъ-подъ кожуха и шелъ къ криницѣ умыться студеной водой. Гонецъ остановилъ коня у воротъ и съ низкимъ поклономъ почтительно приблизился къ атаману.

— Здорово, братику! Что скажешь?—обратился Сирко къ казаку.

— Здоровы будьте, пане-атамане!—отвѣчалъ гонецъ.—Меня старшина прислалъ до вашей милости. «Языка» (развѣдчика) поймали въ степя... Говорятъ, орда похозяйничала въ Украинѣ: попала сѣла, много людей забрала въ неволю и теперь спѣшить въ Крымъ.

— Разбуди моихъ хлопцовъ, братику, а то они что-то долго не вылѣзаютъ изъ-подъ своихъ кожуховъ, да вели имъ живо сѣдлатъ,—сказалъ своимъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ Сирко и скрылся въ хатѣ.

Не успѣла разгорѣться заря, какъ онъ снова появился среди двора. Но это уже былъ не добродушный «дидусъ» съ пастки, на котораго жинка покрикиваетъ,—это былъ тотъ атаманъ, котораго тренешетъ орда и гордые крымскіе ханы побаиваются. Теперь на немъ была алая черкеска, широчайшіе синіе шаровары съ позументомъ, шапка съ алымъ верхомъ, опушенная соболемъ, и желтые сафьяновые сапоги съ серебряными подковами. Онъ глядѣлъ, какъ орелъ, озирающій съ высоты безбрежное море степей.

Хлопецъ подвелъ осѣдланнаго коня. Въ эту минуту на порогѣ хаты появилась жена. Въ глазахъ ея свѣтилась печаль; она знала, что долго разстанется съ мужемъ, но хранила молчаніе, не смѣла выразить свою грусть. Роли перемѣнились: предъ ней стоялъ кошевой атаманъ славнаго войска запорожскаго.

Другой хлопецъ, помоложе, почтительно подаль саблю и пистолеты. Опоясавшись и осмотрѣвъ оружіе, атаманъ въ одинъ мигъ очутился въ